

Добби

— Твои хозяева знают о том, что ты сейчас находишься тут? — с осторожностью спросила Гермиона.

— Нет... — замотал я головой в стороны. — Конечно, нет, мисс... Добби придётся себя сурово наказать за это. Очень сурово, мисс... Удариться о шкаф, погладить пальцы утюгом, прищемить уши чугунной печной дверцей... Если хозяева об этом узнают...

О! Я играл, как бог. Даже Станиславский воскликнул бы: «Верю!». Какая недомолвка, сказанная эмоционально... Можно додумать что угодно, самое страшное, что может нарисовать сознание.

— Тебя накажут? Да, Добби? — с уверенностью спросила Гермиона.

— Мисс Грейнджер действительно умная волшебница, — с восторгом на лице я уставился на девочку, как на божество.

— Это магический контракт заставляет себя наказывать? — спросила Гермиона.

— Он... И приказы хозяев... Хозяева всегда приказывают Добби наказывать себя. Всегда напоминают, что лишнее наказание не повредит...

— Какой кошмар! — ахнула Гермиона. — Но как так оказалось, что вы стали рабом?

— Добби — домовый эльф, мисс... Наша раса стала рабами волшебников. Нас передают по наследству. Если эльф перестаёт справляться с работой, ему отрезают голову, но... Ещё хозяин может дать свободу эльфу, если добровольно передаст ему какую-нибудь одежду. Причём это не должна быть одежда для стирки или починки, подобное учитывается магическим контрактом.

— Ужас! — Гермиона смотрела на меня с ещё большей жалостью и уже без опаски. — С этим нужно что-то делать...

— Что вы, мисс Грейнджер! — притворно ужаснулся я. — Эльфы... большая часть из них — довольны своим положением. Добровольное рабство — самое страшное, что может быть. Только Добби — урод. Ненормальный эльф... Добби хочет свободы, но хозяева его никогда не отпустят. Рано или поздно голова Добби украсит одно из помещений поместья хозяев...

— Добби не урод! — гневно произнесла Гермиона, причём её неприкрытая ярость была направлена на моих хозяев. — Это твои хозяева уроды, каких поискать! Рабство — это пережиток прошлого, ему не место в двадцатом веке!

— Мисс не должна говорить плохо о хозяевах Добби, иначе Добби должен будет себя сильнее наказать, — поник я головой, свесив уши с грустным видом.

— Ох! — испуганно прикрыла ладошкой рот Гермиона. — Прости, Добби... Я не знала.

— Ничего страшного, мисс Грейнджер. Вы очень добрая волшебница...

— Я бы хотела помочь тебе, Добби, — произнесла Гермиона. — Это возможно?

— Мисс Грейнджер настоящая волшебница с большим сердцем и доброй душой, — с теплотой посмотрел я на девочку. — Если бы мисс придумала, как освободить Добби, это было бы самое лучшее деяние во вселенной, но... Боюсь, что это невозможно...

— Я что-нибудь обязательно придумаю! — твёрдо заявила Гермиона. — Я помогу тебе, Добби!

— Добби очень благодарен мисс Грейнджер... Добби много слышал о вашем великом уме, но о вашей доброте не ведал... Но, Добби пришёл вас предупредить...

— О чём предупредить, Добби?

Подавшись вперёд, я перешёл на громкий шёпот.

— Добби пришёл, чтобы защитить мисс Грейнджер, предупредить об опасности. И пусть потом придётся защемить уши печной дверцей... Гермионе Грейнджер нельзя возвращаться в Хогвартс.

В комнате воцарилось молчание, можно было различить взволнованное дыхание Гермионы.

— Почему? — удивлённо спросила она. — Я обязана поехать в школу.

— Нет, нет, нет! — я так сильно замотал головой, что уши заколыхались. — Гермиона Грейнджер должна оставаться там, где она в безопасности. Великая, несравненная, добрейшая волшебница, Гермиона Грейнджер — настолько добра к Добби, что он не может допустить для неё опасности. В Хогвартсе Гермионе Грейнджер грозит страшная опасность!

— Какая опасность? — ещё больше удивилась девочка.

— Существует заговор. В Школе чародейства и волшебства в этом году будут твориться кошмарные вещи, — прошептал я, и для полноты образа задрожал всем телом. — Добби проведал недавно, мисс. Есть некий страшный артефакт, связанный с Тем-Кого-Нельзя-Называть... Он окажется в Хогвартсе, и там будут происходить страшные вещи. Маглорожденные волшебники будут в опасности...

— Какие ещё кошмарные вещи? — напрямик спросила Гермиона. — Кто их затевает? Это твои хозяева?

— Ах... Добби придётся сильно, очень сильно себя наказать... Добби не должен был этого говорить.

Издав сдавленный хрип, я стал неистово биться головой о спинку кровати.

— Ох, прекратите уже, Добби! Не наказывайте себя, — Гермиона вновь схватила меня и стала удерживать от порчи имущества. — Я понимаю, что вы ничего не можете сказать. Не надо ничего говорить о своих хозяевах. Лучше скажите, Добби, почему вы мне помогаете?

— Добби слышал от хозяина, как тот плохо отзывается о некоторых учениках... Добби подумал, что раз хозяин о них так плохо отзывается, то они хорошие люди. И вот Добби убедился, что

мисс Грейнджер воистину достойная волшебница с большим и добрым сердцем. Добби не хочет, чтобы ей был причинён вред.

— Я буду осторожна, Добби, — серьёзно произнесла Гермиона. — Ты говорил, что это как-то связано с Тем-Кого-Нельзя-Называть. Что это за предмет?

— Ой! Добби зовут хозяева... Добби нельзя больше тут находиться...

Вывавшись из объятий, я телепортировался в свою каморку.

Фух! Это было непростое представление. Мне как минимум полагается Оскар за такую сложную актёрскую игру. Пусть девочка сама всё додумает. Может она действительно как-то сумеет помочь мне получить свободу. А я присмотрю за Гермионой Грейнджер, и быть может, подкину ей нужные вещи, которые помогут приблизить сладкий миг... Воля!

Щелчком пальцев я призвал гитару, стакан и коньяк. Налив на два пальца ароматного алкоголя, пригубил коньяк и стал перебирать струны, чтобы успокоить нервы.

Я на лесоповале сотни пил затупил,

И под шепот кандалный по ночам чифирил,

У кормушки не пасся, как последний шакал,

Я пронюхал, где трасса, и однажды бежал.

(Чиж, «Кругом Тайга»)

Хайим Миллер (ИО Блестящего, Сириус Блэк)

Уже три недели прошло с возвращения сына из школы. Середина июля — самое время для отдыха. Мы только что с супругой бурно обсудили вопрос проведения семейного досуга, в результате остановились на израильском курортном городе Хайфа. Это единственный город в Израиле, в котором даже в шабат ходят автобусы и работают магазины.

Зимой Хайфа — один из самых тёплых городов на берегу Средиземного моря. А вот лето тут чуточку прохладнее, хотя тоже вполне подходящее для пляжного отдыха. Средняя температура летом двадцать пять — двадцать семь градусов Цельсия. В общем, все лето очень хорошо подходит для отдыха с детьми.

Помимо пляжей там найдётся, чем заняться. Зоопарк с ботаническим садом, культурно-исторические постройки. В общем, и детишкам будет интересно, и мы с супругой не соскучимся. Тем более никто из нас ещё не был в Израиле. Потом можно будет съездить в

столицу, посмотреть на Храм Господень.

Пока я расслаблялся с бокалом пива, в гостиную зашёл Джеймс. У мальчика был очень задумчивый вид. В руках он держал обычный тетрадный лист, исписанный убористым почерком, явно письмо от друга.

— Папа, — сказал он.

— Что, сына?

— Что ты знаешь о домовых эльфах?

— Много чего. Тебе с интересом или в целом?

— Расскажи о них.

— Не топчи ноги, стопчешь носки, — похлопал я по дивану, приглашая сына присесть. — Напряги уши, чтобы в них влетал ураган, а вылетала пыль...

Джеймс сел на диване рядом со мной и приготовился слушать.

— Домовые эльфы пришли в наш мир в середине этого тысячелетия вместе с гоблинами. В их мире произошла какая-то катастрофа. Они все поголовно являются волшебниками. Британские маги их приютили. С тех пор эльфы служат в некоторых волшебных семьях, либо самых старых, либо в самых богатых, поскольку домовик стоит очень дорого.

— Пап, они же рабы? Да? — спросил Джеймс.

— В принципе, да. Сынок, через почему* столько интереса?

— Через потому, что за эльфа написала подруга. Она маглорожденная. Попросила меня узнать всё за эльфов.

Ответ Джеймса меня чрезвычайно заинтересовал.

— Что за интерес?

Джеймс помялся, кидая взгляды на письмо, но после некоторых размышлений протянул мне бумагу.

— На, почитай.

Взяв в руки бумагу, я углубился в эпистолярный шедевр.

Здравствуй, Джеймс.

Спасибо тебе за письмо. У меня всё хорошо, но вчера произошло странное событие. У меня дома появился домовый эльф Малфоев по имени Добби!

Что ты знаешь о домовых эльфах?

Добби рассказал о том, что он является рабом и хочет получить свободу. Ему нельзя было говорить о хозяевах, но по гербу на его тряпке я догадалась о том, кому он принадлежит.

Я хочу помочь Добби получить свободу. Малфои с ним очень жестоко обращаются. А ещё этот эльф предупредил меня, что Малфои что-то затевают. Они собираются подкинуть в Хогвартс опасный артефакт, который как-то связан с Тем-Кого-Нельзя-Называть. Из-за этого магглорожденным волшебникам будет грозить опасность.

Джеймс, ты же чистокровный волшебник. Если с моей стороны не будет наглостью, я бы хотела тебя попросить раздобыть информацию о домовых эльфах.

Заранее спасибо.

Гермиона Грейнджер.

— Домовик, который мечтает о свободе? — удивлённо воскликнул я. — Раз на тысячу лет**!

— Почему редкость? — внимательно посмотрел на меня Джеймс. — Разве не нормально рабу мечтать за свободу?

— Конечно, сына, но... — протянул я. — Даже среди людей-рабов таких мало. В основном рабы мечтают о том, чтобы получить своих рабов. А уж эльфы... Те и вовсе считают ненормальным заполучить свободу. Спрашивается вопрос***, каким смитье**** нужно быть, чтобы довести эльфа до таких мыслей...

— Пап, откуда ты знаешь? Может, все эльфы мечтают о свободе?

— Нет, Джеймс. За сей интерес знаю точно, как атомные часы. Слушай сюда, папа расскажет за свою жизнь. Папа рос в богатой чистокровной семье, у нас был свой домовый эльф. Он настолько был помешан на служении хозяевам, что даже помыслить не мог о свободе. При этом моя мама с ним обходилась не лучшим образом. Если бы он получил свободу, то бедолага помер бы от горя. Ещё в Хогвартсе имеется большая община домовиков. Мы с друзьями, когда учились в школе, часто навещали кухню.

— Папа, ты учился в Хогвартсе? Ты никогда не рассказывал об этом. Только упомянул вскользь, когда нас навещала профессор Макгонагалл.

— Учился, сына. Но это разговор промеж нас. Папа с тех пор сменил имя и фамилию.

— Почему? — удивился Джеймс.

— Сына, тогда шла война, а папа попал под удар со всех сторон. Запомни, мы таки Миллеры, и никак иначе!

— Хорошо, — с серьёзным видом кивнул Джеймс.

— Так вот, эльфы в Хогвартсе были такими же, они ни за что не пожелали бы получить свободу. Для эльфов получить одежду подобно проклятью. Не в прямом, а в переносном смысле.

Свободный эльф — это аналогично нашим бродягам, а мечтающий получить одежду сородич для них сумасшедший.

— Папа, причём тут одежда?

— Давать эльфу одежду — это ритуал, которым хозяин дарит домовику свободу. Только для домовиков это позор. Поэтому я сильно удивлён эльфом Малфоем, который мечтает о свободе. Я знаю, что Люциус большой пуриц**** и смитье, но Нарцисса всегда была замечательной, доброй и отзывчивой девушкой. Их мальчик показался мне хорошим, поэтому я не был против вашего общения.

— А что не так с мистером Малфоем? — проявил живое любопытство Джеймс.

— Хм... Люциус Малфой служил Тёмному Лорду. Он был его ближайшим сторонником и, скорее всего, держал казну Пожирателей смерти. На суде ему и нескольким его друзьям удалось откупиться. С тех пор он старается выправить репутацию, но горбатого исправит могила. Меня беспокоит, что этот поц затевает опасные игры в школе, полной детей. Сына, слушай сюда, что скажу.

— Я весь внимание!

— Пригласи к нам домой свою подругу. Мы полетим на отдых в Израиль через пять дней. Пусть Гермиона погостит у нас это время.

— Ты хочешь расспросить её о Добби? — настороженно спросил Джеймс.

— Лучше обсудить дела с эльфом. Раз он общался с Гермионой, значит, мог на неё настроиться. Хотя и писано как на туалетной, но ведь может и откликнуться на зов. Тогда мы поговорим с ним за дело. Сына, нас ждёт тройной гешефт! Тебе и сёстрам компания подруги, Гермиона посмотрит, как живут нормальные волшебники, а мы с мамой решим вопрос за вашу безопасность в школе.

— Хорошо, папа. Я напишу письмо Гермионе.

— И приди с письмом до меня, я зачарую порт-ключ, чтобы девочка не топтала одиннадцатый маршрут.

* Через почему (одесский жаргон) — из-за чего.

** Раз на тысячу лет (одесский жаргон) — большая редкость.

*** Спрашивается вопрос (одесский жаргон) — возникает вопрос.

**** Смитье (одесский жаргон) — мусор, негодный человек.

*****Пуриц (одесский жаргон) — человек с очень высоким самомнением.